



Разумеется, Belle Epoque — это Джованни Болдини с его томными красавицами и фривольные красотки Тулуз-Лотрека, Бал — это утопающие в кружевах великосветские дамы с портретов Винтерхальтера, Сады — на фоне Ван Гога и Ренуара, Испания, понятно, — на фоне Гойи, Египет — на фоне саркофага из Пушкинского музея, а конструктивистские вещи Гальяно рядом с само собой напрашивающимся Малевичем.

Все эти очевидные сопоставления не выглядят затертыми клише благодаря современной сценографии, которая позволяет рифмовать вещи не примитивно, в лоб, а сквозь призму современных представлений о традиционном и современном в искусстве. И то, например, почему флаконы духов Dior похожи на египетские скульптурки, становится понятно именно здесь, рядом с саркофагом. И то, что силуэты платьев в точности повторяют форму цветка, тоже очевидней в соседстве с Ван Гогом. Впрочем, куратор Флоранс Мюллер, известная своими масштабными fashion-выставками (например, гигантской ретроспективой

Сен-Лорана в парижском Petit Palais в прошлом году), признается — ей хотелось не только в очередной раз продемонстрировать моду как часть культуры и искусства. Это для европейца вещь очевидная, а для нас пока еще в новинку. Но целью было показать искусство собственно создания одежды. «Для меня очень важно, чтобы обычный человек, который никогда в жизни не попадет на шоу, смог увидеть эти прекрасные вещи так близко. На выставке — это ведь даже ближе, чем на подиуме. Поэтому мы готовимся к этому очень тщательно — одевать манекены выезжают заранее специалисты. Эта работа требует нескольких дней и напоминает работу скульпторов. Они накальвают платья на манекены, лепят форму. Но это лишь первая часть. Одев манекены в платья, мы надеваем шляпы, серьги, украшения, выверяем позы и жесты». В этой тщательности и перфекционизме — непривычное для нас уважение к тому, что по сути является всего лишь высокотехнологичным ремеслом. И этой ремесленной стороне моды организаторы выставки

посвятили целый раздел. Он так и называется Ателье. Архивные фотографии мастерских дома Dior, рядом с ними холщовые прототипы платьев — такие делаются для каждой кутюрной вещи. И поставлены они на возвышение, подобно статуям. «Нас все отговаривали, — говорит Флоранс Мюллер, — говорили, зачем выставлять черновики, показывать изнанку, но они так красивы, что многие принимают их за готовые вещи!» Это и в самом деле один из самых красивых разделов выставки. И, как ни странно, один из самых концептуальных. Холщовые прототипы диоровских вещей выглядят прототипами всей моды 90-х с ее деконструктивистскими опытами, в первую очередь японскими и бельгийскими. Так что, сам того не желая, ретроград Кристиан Диор своим увлечением старыми мастерами спровоцировал революционеров конца XX века. А выставка должна спровоцировать интерес не только к самому Диору и созданному им дому, но и к моде вообще как части искусства и культуры.

*ГМИИ им. А. С. Пушкина, до 24 июля*